

Научный руководитель –
д.филол.н. М.Ю. Казак

О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ ПРОВЕРКИ МЕДИАТЕКСТОВ НА ДОСТОВЕРНОСТЬ

Обращаясь к категории достоверности, мы исходим из того, что данная категория, являясь ключевой для журналистского текста и журналистского дискурса, разграничивает медиадискурс по крайней мере на три его разновидности: журналистский, рекламный и PR-дискурс.

В филологических и энциклопедических словарях достоверность понимают как *подлинность, реальность* [МАС, 1981: 437], *«обоснованность, доказательность, бесспорность знания»* [Ивин, 2004: 247], *«синоним истины»* [ФЭС, 1983: 162], *форму существования истины, обоснованной каким-либо способом* [Прохоров, 2004: 356]; *не вызывающее сомнений, надежное свойство* по знач. прил. «достоверный» [Ожегов, 2009: 154]. Синонимичные характеристики достоверности, представленные в словаре А.Ю. Кожевникова, полностью коррелируют с функциями этой категории в организации медиакommunikации: *авторитетностью и надежностью источников информации, валидностью и проверенностью методов сбора информации, документальностью, фактичностью, точностью, подлинностью журналистского текста*. На противоположной шкале достоверности оказываются *ненадежные источники, фальсифицированные методы сбора информации, вероятностный, недостоверный, ошибочный медиатекст* [Кожевников, 2003: 206]. В специальном исследовании Н.Н. Панченко достоверность рассматривается как коммуникативно-когнитивная категория, имеющая свою специфику в различных типах дискурса и связанная с базовыми целеустановками, интенциями, стратегиями и тактиками коммуникативного поведения [Панченко, 2010].

Обязанности журналиста поставлять обществу достоверную информацию регулируются институционально (законодательными документами) и конвенционально (этическими кодексами). Однако абстрактное требование достоверности информации и установка на честность журналиста – «это идеал, который в действительности подвергается нескончаемой проверке на прочность» [Майданова, Чепкина, 2009: 137]. В научной литературе существуют различные способы верификации высказываний: непосредственное сопоставление медиасобытия с реальными событиями; сравнение с высказываниями других участников события; приведение дополнительных данных, в том числе из нескольких независимых источников [Леонтьев, 2008: 155]. Вместе с тем существующие практики верификации журналистских текстов далеко не всегда дают возможность определить степень достоверности и надежности информации. Оценить информацию, подаваемую в СМИ как несоответствующую действительности, можно лишь опираясь на бесспорные свидетельства. Исследователи отмечают,

что сложная область верификации текстов находится в ведомстве медиаправа, и порой лишь решение суда способно установить соответствие / несоответствие тех или иных текстовых фрагментов истине. Чаще всего подобные дела касаются исков о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Другое свидетельство недостоверности информации – это публикация опровержения в СМИ. Его порядок строго регламентирован Законом РФ о СМИ (статьи 43, 44): «оно должно быть набрано тем же шрифтом и помещено под заголовком «Опровержение», как правило, на том же месте полосы, что и опровергаемое сообщение или материал, в опровержении должно быть указано, какие сведения не соответствуют действительности, когда и как они были распространены данным СМИ». В связи с этим можно привести любопытный пример «опровержения», опубликованного в молодежном журнале «ОНОНАС».

В первом номере этого журнала (сентябрь 2013 г.) в рубрике «Тема номера» был напечатан материал *«Он придёт и молча поправит всё»*, в котором авторство романа «Как закалялась сталь» приписывалось М. Горькому. Во втором номере журнала «ОНОНАС» (октябрь 2013 г.) в «Колонке редактора», озаглавленной *«Максим Горький не знал, как закалялась сталь»*, удивленный читатель узнает, что ошибка была не случайной, она явилась проверкой «на внимательность и уровень образования»: *На 12-й странице сентябрьского номера журнала «ОнОнас» есть ошибка: в подписи к фото мы написали, что автором романа «Как закалялась сталь» является Максим Горький (а не Николай Островский, как все прекрасно знают). Я не буду рассказывать, как эта ошибка вкралась в текст. Мы её вовремя обнаружили и вполне могли исправить, но намеренно не стали этого делать. Уже тогда мы знали, что октябрьский номер будет посвящен проблеме образования. Таким образом мы решили устроить нашим читателям небольшую проверку на внимательность и уровень образования.*

Именно таким способом редакционный коллектив вышел из неловкой ситуации, попытавшись обыграть ее. Поэтому редакционное выступление официально опровержением не является, хотя подобные «эксперименты» явно носят спорный характер.

Надежность журналистского текста повышают такие «маркеры», как приведение точных фактических данных. Это могут быть имена героев, даты событий, названия мест, где события произошли, цифры, статистические данные. Вместе с тем именно цифра позволяет журналисту завуалировать негативный эффект события и воздействовать на смысловое поле аудитории в нужном ему направлении. Так, в «Российской газете. Неделя» (4 июля 2013) был опубликован комментарий, касающийся аварии ракеты «Протон-М» с тремя спутниками ГЛОНАСС на борту. Тональность заголовка «47-й фальстарт в Казахстане» не стыкуется с оптимистической концовкой текста: *В общем, хоть и жалко «Протон-М», но истерить и посыпать голову пеплом вряд ли стоит. Аварии были, есть и будут у всех и всегда.* Коммуникативная интенция автора – убедить аудиторию, что ничего страшного не случилось, и делает это журналист через

манипулятивную работу с цифрами. Практически весь текст состоит из статистических данных, характеризующих количество удачных и неудачных запусков космических аппаратов в России и США в 2004 – 2010 гг. Согласно этим данным, процент неудач у России ниже, чем у США. Однако за пределами текста остается информация о том, что «фальшстарты» характерны для России последних лет, не принимаются во внимание масштабы неудачных запусков и реальное состояние дел в области космонавтики. С нашей точки зрения, в тексте используется и такой манипулятивный прием создания эффекта достоверности, как совмещение плюсов и минусов: *«Никто не пострадал: обломки упали в 2,5 км от места старта. Ядовитое облако, образовавшееся из компонента сгоревшего ракетного топлива гептила, не дойдет до населенных пунктов Казахстана, считают эксперты»*. И в следующем абзаце: *«Это 47-й фальшстарт «Протонов» из почти 400 пусков. Старт был застрахован, так что страховые компании выплатят страховку и поднимут премии в следующие разы»*. В результате нанизывания отрицательных и положительных смыслов у читателя создается впечатление, что случившееся – рядовое событие, которое не связано с общей ситуацией в космической отрасли.

Достоверность журналистского текста сопрягается также с цитатной речью, апеллирующей к выступлениям наших политиков, общественных деятелей, современников, к их речам, произнесенным накануне. Такие цитаты усиливают точность, надежность, авторитетность журналистского текста. В идеале актуальная цитата должна интерпретироваться автором текста и его получателем в соответствии с тем пониманием первоисточника, из которого цитата заимствована и на которую ссылается создатель нового текста. Однако на деле цитата, изъятая из своего контекста и перенесенная в новое окружение, препарированная и прокомментированная журналистом, обрастает новыми коннотациями и смыслами. Проверить цитатную речь можно лишь обратившись к первоисточнику, что не всегда представляется возможным. Искусное использование цитат оказывается в журналистском тексте многофункциональным приемом. В качестве примера приведем материал «Консул России допустил выражение», опубликованный в общественно-политической газете «Собеседник» (№ 20, 2013). Информационным поводом для написания журналистского комментария явилось эпатажное высказывание генконсула России в Крыму, в котором он *фактически оправдал депортацию с полуострова крымских татар*. Создатель текста охарактеризовал персонажа через подбор соответствующих цитат, по сути разоблачив дипломата его прямой речью: *«Я остаюсь полностью при своем мнении, а заявление МИД расцениваю как беспомощное, глупое и беспринципное, позорящее МИД России. За такое заявление надо наказывать всех, кто их пишет и кто разрешает их публиковать»*.

Усиливает впечатление достоверности информации количество источников, особенно если все они говорят практически одно и то же. О достоверности может говорить и имя автора материала, если он авторитетен, для многих адресантов оно служит гарантией правдивости текста. На достоверность также работает и четкое отделение фактов от предположений, версий, слухов. Так, в ма-

териале «Как Хабенский «глобус пропил»» («Экспресс-газета», 1 ноября 2013) есть сигналы (*вероятно, некоторые коллеги*), которые подсказывают читателю, что высказанные заявления всего лишь предположения, что источники информации ненадежны: *«Этого же мнения, вероятно, придерживается и актриса Ольга Литвинова, которая, как уверяют некоторые коллеги Хабенского, уже пару месяцев как его законная супруга (до этого, кстати, барышня жила с Максимом Виторганом)».*

Существуют косвенные практики демонстрации достоверности (или правдоподобия, если журналист пытается заведомо ложную информацию выдать за истинную). Они базируются на встраивании события в хронологические и логические рамки с помощью указания на его предысторию, последствия, попытки провести аналогию с подобными событиями, формулирование прогнозов дальнейшего развития события; на подробном описании живых деталей события, наглядном изображении персонажей и др. [Майданова, Чепкина, 2009: 161-165].

В завершение отметим, что достоверность является дискурсивной категорией, вовлекающей в зону своего действия экстралингвистические факторы, коммуникантов, обстоятельства и условия коммуникации.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Кожевников, А.Ю. Большой синонимический словарь русского языка [Текст] / А.Ю. Кожевников // Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: Практ. справ.: В 2 т. Т.1: А-Н. – СПб.: ИД «Нева», 2003. – 438 с.
3. Леонтьев, А.А. Психология воздействия в массовой коммуникации [Текст] / А.А. Леонтьев // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект, Альма Матер, 2008. – 760 с.
4. Майданова Л.М., Чепкина, Э.В. Проблема достоверности информации в журналистских практиках: речевой аспект [Текст] / Л.М. Майданова, Э.В. Чепкина // Этика речевого поведения российского журналиста: коллективная монография / Ред. сост. д. филол. н., проф. Л.Р. Дускаева. – СПб.: Астерион, 2009. – С. 135-166.
5. СО: Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов // Под ред. проф. Л.И. Скворцовой. – 26-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Изд-во Оникс»: ООО «Изд-во «Мир и Образование», 2009. – 736 с.
6. Панченко, Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория [Текст] / Н.Н. Панченко // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – 10.02.19 – теория языка. – Волгоград, 2010. – 32 с.
7. Прохоров, А.М. Большой энциклопедический словарь [Текст] / А.М. Прохоров // Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норинт, 2004. – 1456 с.
8. МАС: Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус.яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981. Т.1. А-Й. 1981. – 698 с.
9. Философия: Энциклопедический словарь [Текст] / Под редакцией А.А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
10. Философский энциклопедический словарь [Текст] / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов.— М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

Источники:

1. Журнал «ОНОНАС», № 1 (сентябрь, 2013); № 2 (октябрь, 2013).
2. Газета «Собеседник», № 20 (2013).
3. Газета «РГ Неделя», № 144 (04 июля, 2013).
4. Украинский интернет-портал «Комментарий: Крым». Международный скандал: Генконсул России назвал татар предателями». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimea.comments.ua/news/2013/05/22/103102.html>. - 01.11.2013.
5. «Экспресс-газета», № 43 (01 ноября, 2013).

О.В. Григорова

Научный руководитель –
д.филол.н. А.В. Полонский

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МИРА «СВОИХ» В ПУБЛИЦИСТИКЕ В.А. ПЬЕЦУХА

Внимание российской общественности в условиях усиливающихся процессов глобализации сегодня обращено к вопросам национального самосознания, осмыслению места России и русского человека в мировом общественно-политическом и культурном пространстве. В этом процессе немаловажную роль играет публицистика как самобытная творческая форма, особенностью которой является открытость «голосу современности» и «злобе дня» [Прохоров 1984: 51], как «форма полемического социального диалога» [Полонский 2009: 79].

При описании процессов, происходящих сегодня в публицистике, необходимо отметить, что значительное влияние на них, как и на культуру в целом, оказал постмодернизм, подвергший критике все теории и концепции, «претендующие на единоличную репрезентацию истины, монополизм в сфере познания» [Скоропанова 2001: 13].

Современная российская публицистика пытается определить границы «своего» и «чужого» и осознать особенности «русской одухотворенности» (А.В. Полонский) в контексте поликультурного мира, поэтому центральным мотивом публицистического и литературного творчества многих авторов становится «русская тема».

В фокусе нашего исследования находится публицистика Вячеслава Пьецуха – одного из самых ярких авторов, формирующих характер современного общественного диалога. Базовой в его творчестве становится культурологическая оппозиция «свой – чужой». Она становится своего рода «ключом» для осмысления особенностей русской культуры и русского человека.

Мир «своих» публицист представляет как мир русских людей, или, как он сам их называет, «руссаков», то есть тех, кто родился и вырос в России, является носителем и наследником ее культуры, живет по ее нравственным